

ВАН МЕХЕЛЕН (VAN MECHELEN) и другие против НИДЕРЛАНДОВ

Судебное решение от 23 апреля 1997 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

Данное дело возникло из жалоб, поданных в Комиссию четырьмя гражданами Нидерландов: Гендриком ван Мехеленом, Виллемом Венериусом, Иоганном Венериусом и Антониусом Амандусом Прюижмбоомом, которые родились соответственно в 1960, 1961, 1962 и 1964 гг.

В январе и феврале 1989 г. заявители были арестованы в связи с вооруженным ограблением почты в Оирсчоте, происшедшим 26 января, сопровождавшимся перестрелкой, в результате которой были ранены четверо полицейских. Арестованным были предъявлены обвинения в краже при отягчающих обстоятельствах и в нескольких покушениях на предумышленное и простое убийство. Они отрицали все эти обвинения и продолжали их отрицать в течение всего последовавшего затем процесса.

В судебных решениях, вынесенных 12 мая, 3 августа и 9 октября 1989 г., Окружной суд Хертогенбоса признал заявителей виновными и приговорил каждого из них к десяти годам тюремного заключения. Обвинения были основаны *inter alia* на полицейских докладах, содержащих показания офицеров полиции, свидетельствовавших под номерами, но в остальном оставшихся анонимными, а также показаниях свидетелей, как полицейских, так и обычных жителей.

Заявители подали апелляцию в Апелляционный суд, который в отличие от окружного суда рассматривал четыре дела одновременно. Защита потребовала допроса полицейских в открытом суде. Апелляционный суд, однако, решил, что всех свидетелей наедине допросит следователь.

Следователь заслушал показания под присягой двадцати свидетелей, из которых одиннадцать не были идентифицированы защитой, поскольку при их допросе следователем защитник и прокурор находились в отдельных комнатах, которые соединялись между собой и с кабинетом следователя при помощи звуковой связи.

Свидетели, дававшие показания под номерами — офицеры полиции, — утверждали, что если их имена будут раскрыты, то они больше не смогут выполнять свои обязанности надлежащим образом. Более того, все они пожелали остаться анонимными из страха перед репрессиями против себя и своих семей. Все они подтвердили свои свидетельские показания в окружном суде, рассматривавшем дело по первой инстанции.

В своем официальном докладе следователь заявил, что ему известна личность каждого из анонимных свидетелей, и то, что это были 11 разных людей. В докладе излагались причины, по которым свидетели пожелали остаться анонимными. Следователь счел причины убедительными и достаточными, а показания — заслуживающими доверия. Как обвинение, так и защита имели возможность задавать вопросы, и опрос каждого из свидетелей занял от двух до пяти часов. Заданные вопросы, но не ответы — т. к. это могло привести к раскрытию личности свидетеля или используемых полицией методов дознания — записывались. Все, кто принимал участие в опросе, получили копию проекта доклада, и им было разрешено дать свои комментарии.

В последующем Апелляционный суд отверг просьбу защиты о повторном допросе анонимных свидетелей в открытом суде, но допросил ряд свидетелей, чья личность не была засекречена.

В четырех отдельных судебных решениях, вынесенных 4 февраля 1991 г., Апелляционный суд признал всех четырех заявителей виновными в покушении на убийство и в ограблении с применением насилия и приговорил каждого к 14 годам тюремного заключения. Помимо показаний 11 свидетелей, о которых говорилось выше, в деле имеются вещественные улики, показания в суде офицеров полиции и гражданских лиц, чья личность была известна, а также расшифровка перехваченного телефонного разговора между женой третьего заявителя и ее матерью. Опознали заявителей как лиц, совершивших преступление, анонимные офицеры полиции, свидетельствовавшие под номерами.

Заявители подали жалобу, основывающуюся на вопросах права, в Верховный Суд. Их жалобы были отклонены в четырех самостоятельных судебных решениях от 9 июня 1992 г.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В жалобах, поданных в Комиссию 24 и 27 ноября и 8 декабря 1992 г., заявители утверждали, что было нарушено их право допрашивать свидетелей, предусмотренное статьей 6 п. 3 (d) Конвенции. Жалобы были объявлены приемлемыми 15 мая 1995 г.

В своем докладе от 27 февраля 1996 г. Комиссия установила факты и пришла к выводу, что нарушения статьи 6 п. 1 и 3 (d) Конвенции не было (двадцать голосов против восьми).

Европейская Комиссия передала дело в Суд 17 апреля 1996 г.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предполагаемом нарушении статьи 6 п. 1 и 3 (d) Конвенции

46. Заявители жаловались, что приговор им был вынесен главным образом на основе свидетельских показаний офицеров полиции, чья личность оставалась анонимной и которые не были заслушаны публично в их присутствии. Тем самым была нарушена статья 6 п. 1 и 3 (d), которая гласит:

“1. Каждый человек имеет право... при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела... Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или государственной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или — в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо — при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия.”

3. Каждый человек, обвиняемый в совершении уголовного преступления, имеет как минимум следующие права:

(d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него;

Ни Правительство, ни Комиссия не разделяли эту точку зрения.

А. Доводы в Суде

47. Заявители ставили под вопрос саму необходимость сохранения анонимности офицеров полиции. Они утверждали, что для них или членов их семей не было никакой опасности. Это подкреплялось тем, что г-ну Энгелену, одному из свидетелей обвинения, чье имя было названо и который на ранней стадии процесса давал показания, не была предоставлена анонимность, и неизвестно, чтобы ему на каком-то этапе угрожали.

Более того, в обращении утверждалось, что допрос свидетелей не должен был проводиться у следователя. Целесообразнее было бы, чтобы офицеров полиции, если нужно в масках, допрашивали в открытом судебном заседании.

Кроме того, заявители считали, что у них не было достаточной возможности возражать и задавать вопросы офицерам полиции. Они обратили внимание на условия, в которых велся допрос анонимных свидетелей.

Анонимные офицеры полиции были помещены в одну комнату со следователем и отделены от заявителей и их адвокатов, которые не могли знать, был ли кто-нибудь еще в этой комнате и что там происходило.

Не на все вопросы, поставленные защитой, был получен ответ, например, где находился офицер полиции в то время, когда он вел свои наблюдения, носил ли он очки и пользовался ли он, когда следил за стоянкой жилых автоприцепов, какими-нибудь оптическими приборами или направленным микрофоном.

И наконец, заявители утверждали, что обвинительный приговор против них в решающей мере строился на показаниях, данных именно этими свидетелями. Единственным показанием, на котором основывался Апелляционный суд, было опознание заявителей этими офицерами полиции.

48. Правительство и Комиссия считали, что нарушения статьи 6 п. 1 и 3 (d) не было.

Они полагали, что безопасность самих офицеров полиции и их семей, а также необходимость не рисковать возможностью их дальнейшего использования в других подобных операциях являлись достаточным основанием для сохранения их анонимности.

Примененная процедура была выработана Верховным Судом Нидерландов в его решении от 2 июля 1990 г. (см. п. 40 выше) в развитие решения Суда по делу Костовски от 20 ноября 1989 г. (Серия А, т. 166). Эта процедура, согласно их утверждениям, была принята Судом в его решении по делу *Доорсон против Нидерландов* от 26 марта 1996 г. (Reports, 1996-II).

В соответствии с этой процедурой показания анонимных офицеров полиции были запроотоколированы (а) следователем, который (b) сам удостоверил личность соответствующих офицеров полиции; (с) письменно высказал свое мнение об их надежности и доверии к их информации в своем официальном докладе; (d) привел обоснованное мнение по поводу имеющихся у них причин сохранять свою анонимность и нашел их достаточными; (е) предоставил защите достаточную возможность опросить их или поставить перед ними вопросы. Официальный доклад следователя, который был очень подробным, все это подтвердил.

Кроме того, полученные таким путем показания подкреплялись другими свидетельствами не из анонимных источников, а именно записями телефонных переговоров, заявлениями других офицеров полиции, а также некоторыми техническими свидетельствами. Поэтому обвинительный приговор не основывался исключительно на показаниях.

В. Оценка Суда

1. Принципы, подлежащие применению

49. Поскольку требования статьи 6 п. 3 следует рассматривать как конкретные аспекты права на справедливое разбирательство, гарантированные в статье 6 п. 1, Суд объединит рассмотрение жалоб на нарушение статьи 6 п. 1 и 3 (d) (см. среди многих других вышеупомянутое решение по делу Доорсона, с. 469—470, п. 66).

50. Суд повторяет, что допустимость доказательств является вопросом, который регулируется главным образом национальным законодательством, и по общему правилу именно национальные суды призваны оценивать предъявленные им доказательства. Задача Суда, согласно Конвенции, заключается не в том, чтобы оценивать показания свидетелей, а в том, чтобы удостовериться, было ли судебное разбирательство в целом справедливым, включая и то, как были получены доказательства (см. среди других прецедентов вышеупомянутое решение по делу Доорсона, с. 470, п. 67).

54. Обычно все доказательства должны быть представлены в ходе публичного слушания в присутствии обвиняемого, с тем чтобы обеспечить состязательность. Из этого принципа имеются исключения, но они не должны ущемлять право на защиту; по общему правилу статья 6 п. 1 и 3 (d) требует, чтобы обвиняемому была предоставлена адекватная возможность оспаривать утверждения и допрашивать свидетельствующих против него лиц, либо когда они дают показания в суде, либо на более поздней стадии (см. решение по делу *Люди против Швейцарии* от 15 июня 1992 г. Серия А, т. 238, с. 21, п. 49).

52. В своем решении по делу Доорсона (там же, с. 470, п. 69) Суд указал, что использование показаний анонимных свидетелей для обоснования обвинительного приговора ни при каких обстоятельствах несовместимо с Конвенцией.

53. В этом своем решении Суд отметил следующее:

“Статья 6 специально не требует принимать в расчет интересы свидетелей. Однако, когда на карту ставится жизнь, свобода или безопасность человека, тогда, по общему правилу, вопрос попадает в сферу действия статьи 8 Конвенции. Подобные интересы свидетелей и жертв защищаются в принципе другими статьями Конвенции согласно которым Договаривающиеся Государства должны организовать свое судопроизводство по уголовным делам таким образом, чтобы эти интересы не оказывались под угрозой. В таких обстоятельствах принципы справедливого судебного разбирательства требуют также, чтобы в соответствующих случаях интересы защиты соизмерялись с интересами тех свидетелей или жертв, которых вызвали в суд для дачи показаний” (см. вышеупомянутое решение по делу Доорсона, с. 470, п. 70).

54. Однако если сохраняется анонимность свидетелей обвинения, защита сталкивается с такими трудностями, которых при рассмотрении уголовных дел обычно быть не должно. Соответственно, Суд признал, что в таких случаях статья 6 п. 1 и п. 3 (d) Конвенции требует, чтобы эти трудности защиты в достаточной мере уравновешивались судебной процедурой (там же, с. 471, п. 72).

55. И наконец, следует напомнить, что обвинительный приговор не должен основываться единственно или в решающей степени на анонимных утверждениях (там же, с. 472, п. 76).

2. Применение вышеуказанных принципов

56. По мнению Суда, соотношение интересов защиты с аргументами в пользу сохранения анонимности свидетелей поднимает особые проблемы, т. к. свидетели, о которых идет речь, служат в государственной полиции. Хотя их интересы, а равно их семей также заслуживают защиты в соответствии с Конвенцией, следует признать, что их положение до некоторой степени отличается от положения незаинтересованного свидетеля или жертвы. На полицейских лежит долг повиновения исполнительным властям государства, и они связаны с прокуратурой; только по одним этим причинам к их использованию в качестве анонимных свидетелей следует прибегать лишь в исключительных обстоятельствах. Кроме того, сама природа их служебных обязанностей, в частности производство ареста, требует впоследствии дачу показаний в открытом судебном заседании.

57. С другой стороны, Суд в принципе признал, что при условии уважения прав на защиту правомерным является желание руководства полиции сохранить анонимность агента, занимающегося розыскной деятельностью, для защиты его самого или его семьи и для того, чтобы не ставить под угрозу возможность его использования в будущих операциях (см. решение по делу Люди, с. 21, п. 49).

58. Принимая во внимание то значение, которое имеет в демократическом обществе право на справедливое отправление правосудия, любые меры, ограничивающие права защиты, должны диктоваться строгой необходимос-

тью. Если менее ограничительная мера будет достаточна, то именно она должна применяться.

59. В данном деле офицеры полиции, о которых идет речь, находились в отдельной комнате со следователем, куда обвиняемые и даже их адвокаты не имели доступа. Все общение шло по звуковому проводу. Защита, таким образом, не знала не только личность свидетелей из полиции, но и была лишена возможности следить за их поведением, как это было бы при прямом допросе, а значит, и проверить их надежность (см. решение по делу Костовски, с. 20, п. 42 *in fine*).

60. Суду не было удовлетворительным образом объяснено, почему потребовалось прибегать к таким крайним ограничениям права обвиняемых на то, чтобы показания против них давались в их присутствии, и почему не были использованы иные, не столь далеко идущие меры.

В отсутствие какой-либо дополнительной информации Суд не может признать оперативные потребности полиции достаточным оправданием для ограничения прав обвиняемых. Следует отметить, что пояснительная записка к законопроекту, который стал Законом от 11 ноября 1993 г., упоминает в этой связи о возможности использования грима или маски, а также предотвращения визуального контакта.

61. Суд не убежден, что Апелляционный суд в достаточной мере оценил реальность угрозы мести офицерам полиции и членам их семей. Из решения суда не видно, чтобы он рассматривал вопрос, будут ли заявители в состоянии выполнить такие угрозы или побудить других сделать это по их поручению. Его решение строилось исключительно на серьезности совершенных преступлений (см. п. 26 выше).

В этой связи следует отметить, что г-н Энгелен, гражданский свидетель, который на ранних стадиях рассмотрения дела опознал одного из заявителей как лицо, совершившее преступление, не пользовался защитой анонимности и ни разу не заявлял, что ему угрожали.

62. Справедливо — как было отмечено Правительством и Комиссией (см. п. 48 выше), — что анонимные офицеры полиции допрашивались в присутствии следователя, который сам удостоверился в их личности и в очень подробном официальном докладе об установленных им фактах высказал свое мнение об их надежности и достоверности сообщаемых ими сведений, а также о приведенных ими причинах сохранения анонимности.

Однако эти меры не могут считаться достаточным основанием для лишения защиты возможности задавать вопросы свидетелям в своем присутствии, иметь собственное суждение об их поведении. Поэтому нельзя сказать, что помехи в условиях, в которых пришлось работать защите, уравновешиваются процедурой, о которой сказано выше.

63. Более того, единственным доказательством, на которое полагался Апелляционный суд, подтверждающим опознание заявителей в качестве лиц, совершивших преступления, были показания анонимных офицеров полиции. Таким образом, обвинительный приговор заявителей “в решающей степени” основывался на этих анонимных заявлениях.

64. По мнению Суда, настоящее дело не подпадает под случай Доорсона: в последнем решении основывалось на информации (содержавшейся в материалах дела) о том, что свидетели Y 15 и Y 16 — оба гражданские лица, лично знавшие обвиняемого, имели достаточно причин полагать, что он может прибегнуть к насилию, и они были заслушаны в присутствии

адвоката и обвинителя (см. вышеупомянутое решение по делу Доорсона, с. 454—455, п. 25; с. 455—456, п. 28; с. 470—471, п. 71 и 73).

Более того, в этом деле имелись другие доказательства, кроме анонимных свидетельств, обеспечивавшие позитивную идентификацию обвиняемого как лица, совершившего вменяемые ему преступления (там же, с. 458—459, п. 34; с. 472, п. 76).

65. При таких обстоятельствах Суд не находит справедливой примененную процедуру в целом.

С. Вывод

66. Имело место нарушение статьи 6 п. 1 и п. 3 (d).

II. Применение статьи 50 Конвенции

67. Статья 50 Конвенции предусматривает следующее:

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

А. Ущерб

68. Заявители утверждали, что если бы Апелляционный суд Хертогенбоса не полагался на заявления анонимных офицеров полиции, то против них не было бы заведено никакого дела и их бы оправдали. Они потребовали возмещения морального вреда в сумме 250 голландских гульденов за каждый день, проведенный в заключении.

Правительство сочло требования заявителей о возмещении ущерба “непропорционально высокими”.

Делегат Комиссии этот вопрос не комментировал.

69. Суд полагает, что в данных условиях этот аспект дела еще не готов для вынесения по нему решения. Поэтому необходимо отложить его, учитывая возможность достижения соглашения между государством-ответчиком и заявителями.

В. Издержки и расходы

70. Заявители не предъявили претензий по поводу издержек и расходов, понесенных ими в ходе внутренней процедуры уголовного разбирательства.

Относительно издержек и расходов, понесенных при рассмотрении дела в Европейской Комиссии и Европейском Суде по правам человека, заявители требуют следующее:

Г-н Ван Мехелен и г-н Виллем Венериус (представленные г-жой Спронкен) — 16 598,07 нидерландского гульдена, включая налог на добавленную стоимость;

Г-н Иоганн Венериус (представленный г-ном Съёкрона) — 30 446,43 нидерландского гульдена, включая налог на добавленную стоимость;

Г-н Прюижмбоом (представленный г-ном Кноопсом) — 11 905 нидерландских гульденов, включая налог на добавленную стоимость.

Правительство и делегат Комиссии данные требования не комментировали.

71. Суд отмечает, что г-н Ван Мехелен, г-н Иоганн Венериус и г-н Виллем Венериус получили судебную помощь от институтов Конвенции.

72. Суд констатирует, что заявители действительно понесли в силу необходимости требуемые ими издержки и расходы в попытках добиться исправления установленных нарушений. Он также находит требуемые заявителями Ван Мехеленом, Виллемом Венериусом и Прюижмбоомом суммы разумными в количественном отношении.

С другой стороны, требование г-на Иоганна Венериуса непропорционально по отношению к требованиям других заявителей. Не было дано никакого объяснения такому несоответствию.

73. Суд присуждает г-ну Прюижмбоому требуемую сумму.

Г-ну Ван Мехелену и г-ну Виллему Венериусу, совместно, он присуждает требуемые суммы за вычетом уже выплаченных им Советом Европы в порядке судебной помощи, а именно 11 412 французских франков.

Принимая решение на основе справедливости, Суд присуждает г-ну Иоганну Венериусу 20 000 нидерландских гульденов, включая налог на добавленную стоимость, за вычетом уже выплаченных ему Советом Европы в порядке юридической помощи, а именно 11 436 французских франков.

С. Проценты за просрочку

74. Согласно имеющейся у Суда информации, обычная процентная ставка, применявшаяся в Нидерландах на дату принятия настоящего решения, составляла 5% годовых.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Постановил* шестью голосами против трех, что имело место нарушение статьи 6 п. 1 и п. 3 (d) Конвенции;

2. *Постановил* единогласно, что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев оплатить расходы и издержки:

(а) заявителям Ван Мехелену и Виллему Венериусу, совместно, — 16 598,07 (шестнадцать тысяч пятьсот девяносто восемь нидерландских гульденов и семь центов) за вычетом 11 436 (одиннадцати тысяч четырехсот тридцати шести) французских франков, переведенных в нидерландские гульден по обменному курсу, действовавшему на дату вынесения настоящего судебного решения;

(b) заявителю Иоганну Венериусу — 20 000 (двадцать тысяч) голландских гульденов за вычетом 11 436 (одиннадцати тысяч четырехсот тридцати шести) французских франка переведенных в нидерландские гульден по обменному курсу, действовавшему на дату вынесения настоящего судебного решения;

(с) заявителю Прюижмбоому — 11 905 (одиннадцать тысяч девятьсот пять) нидерландских гульденов;

(d) простой процент, исходя из годовой ставки 5%, подлежит уплате по истечении вышеупомянутого трехмесячного срока вплоть до погашения;

3. *Отверг* единогласно оставшуюся часть требования заявителя Иоганна Венериуса о возмещении издержек и расходов;

4. *Постановил* единогласно, что вопрос о применимости статьи 50 Конвенции к требованиям заявителей о возмещении вреда еще не готов для решения и, соответственно,

(a) *откладывает* указанный вопрос;

(b) *приглашает* Правительство и заявителей представить в течение предстоящих трех месяцев свои письменные замечания по этому вопросу и, в частности, уведомить Суд о соглашении, которого они могли бы достичь;

(c) *откладывает* дальнейшее рассмотрение и *делегировать* председателю Палаты полномочия возобновить его, если потребуется.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 23 апреля 1997 г.

Герберт Петцольд
Грефье

Рудольф Бернхардт
Председатель

В соответствии со статьями 51 п. 2 Конвенции и 55 п. 2 Регламента Суда В к настоящему решению прилагаются отдельные мнения судей.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ МАТШЕРА И ВАЛЬТИКОСА

Это пограничный случай. С одной стороны, условия, при которых проходил суд и опрашивались свидетели, были не вполне удовлетворительны и, вне всякого сомнения, они могли бы быть улучшены, хотя следует признать, что в голландском праве были предприняты усилия по адаптации процедуры заслушивания анонимных свидетелей к требованиям статьи 6 Конвенции в том виде, как они изложены в решении по делу *Костовски против Нидерландов* от 20 ноября 1989 г. (Серия А, т. 166). С другой стороны, дело идет о вооруженном ограблении, и вполне понятно, что свидетели, даже если они являются офицерами полиции, боятся репрессий со стороны преступников, которые рады возможности нажать на курок. Возможное возникновение подобных ситуаций в будущем делает желательной дальнейшую конкретизацию требований статьи 6 Конвенции.

Однако в настоящем случае, с учетом всех обстоятельств дела, мы не можем найти нарушения статьи 6 Конвенции и в целом согласны с мнением судьи Ван Дийка.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ВАН ДИЙКА

1. К сожалению, я не могу согласиться с выводом большинства, что имело место нарушение статьи 6 п. 1 в сочетании с п. 3 (d) Конвенции. Я также не могу последовать за большинством и в том, что касается сути рассуждений в поддержку этого вывода.

2. Хотя прецедентное право Суда относительно условий, при которых обвинительный приговор по уголовному делу может частично строиться на показаниях анонимных свидетелей, еще не получило полного развития, Суд наметил основные линии. Я придерживаюсь мнения, что настоящее решение не находится в пределах обозначенных ими рамок и не является логическим продолжением этих линий; с другой стороны, обстоятельства дела не являются до такой степени специфичными, чтобы обособить его от других, в частности от дела Доорсона (см. решение по делу *Доорсон против Нидерландов* от 26 марта 1996 г. Reports, 1996-II), где указано, что в действиях Нидерландов не было нарушения статьи 6 п. 1 в сочетании со статьей 6 п. 3 (d). Хотя Суд и не связан жестко прецедентом, правовая определенность и юридическое равенство требуют, чтобы судебная практика была ясной и непротиворечивой, а также предсказуемой в той мере, в какой обстоятельства дела сопоставимы с более ранними случаями.

3. Поскольку «допустимость доказательств регулируется главным образом национальным правом, а по общему правилу оценку представленных им доказательств производят национальные суды» (см. решение по делу Доорсона, с. 470, п. 67), то применяемое национальное законодательство, прецедентное право и судебная практика представляются до определенной степени значимыми и для данного Суда.

Верховный Суд Нидерландов пересмотрел судебную практику относительно условий, при которых обвинительный приговор может основываться на показаниях анонимных свидетелей в свете решения суда по делу Костовски (см. п. 40 настоящего решения). Более того, взяв пересмотренную судебную практику за отправную точку и основываясь *inter alia* на анализе практики настоящего Суда относительно допустимости показаний анонимных свидетелей при разбирательстве уголовных дел и значении его для внутреннего права и Законодательной практики Нидерландов, Правительство страны предложило, а законодательное собрание приняло несколько поправок к Уголовно-процессуальному кодексу (см. п. 41 настоящего решения и цитируемую в нем Пояснительную записку к Закону 1993 г.).

Закон 1993 г. еще не вступил в силу, когда национальные суды вынесли свои решения по данному делу. Однако если бы он уже вступил в силу, то процедура, которой следовал Апелляционный суд, соответствовала бы его нормам. Действительно, перечисленные в Законе причины, позволяющие держать личность свидетеля в секрете, не включают, по тактическим соображениям, желательность не раскрывать личность офицера, чтобы не поставить под угрозу эффективность его работы в будущем. Пояснительная записка к Закону подробно излагает мнение Правительства о том, что заключающийся в расследовании серьезных преступлений общественный интерес сам по себе не может служить оправданием для предоставления гарантии полной анонимности (см. п. 41—42 настоящего решения). Однако Апелляционный суд основывал свое согласие на сохранение анонимности по желанию свидетелей не на этой причине, а на том, что свидетели опасались за жизнь и безопасность свою и своих семей (см. п. 26 настоящего решения), что является основанием, предусмотренным в статье 226а Уголовно-процессуального кодекса.

Ранее сказанное, конечно, само по себе не гарантирует, что пересмотренная практика Верховного Суда и/или измененные нормы Уголовно-процессуального кодекса будут соответствовать Конвенции при всех обстоятельствах. Однако, как отмечалось выше, в этом вопросе внутренняя судебная

практика и законодательство обладают собственной значимостью. Более того, в настоящем случае с учетом юридических обстоятельств формирования соответствующей судебной практики Нидерландов и истории подготовки нового законодательства, когда в обоих случаях прецедентное право Европейского Суда учитывалось специально, имеются, по-видимому, достаточные основания исходить из презумпции соответствия, по крайней мере в отношении тех вопросов, которые уже рассматривались Судом.

4. Рассмотрение затронутых здесь вопросов в конечном счете привело меня к выводу, что статья 6 п. 1 и 3 (d) в настоящем деле нарушена не была. Возможно было бы предпочтительнее, если бы Апелляционный суд или следователь допросили свидетелей в присутствии защиты и генерального прокурора, а обвиняемый следил бы за ходом разбирательства в отдельной комнате. Из материалов дела, которые были в Суде, я не могу установить, рассматривалась ли вообще такая возможность. Однако и в том виде, как это было, с учетом всех фактов и обстоятельств, по моему мнению, право защиты допрашивать свидетелей не было ограничено в такой степени, которая не давала бы ей надлежащей и адекватной возможности оспаривать утверждения и задавать вопросы свидетелям, как того требует статья 6 п. 1 и 3 (d) (см. решение по делу Люди от 15 июня 1992 г.). Поэтому я считаю, что, с учетом всех компенсационных элементов процедурного характера, предписанных Апелляционным судом и выполненными следователем, судебное разбирательство было справедливым. Придя к этому выводу, я хотел бы подчеркнуть следующие аспекты:

(а) Анонимных свидетелей допрашивал не только обвинитель, но и независимый и беспристрастный судья, который, судя по его официальному докладу Апелляционному суду по поводу установленных им обстоятельств дела, приложил большие старания, чтобы компенсировать защите неудобство, возникшее из-за отсутствия контакта лицом к лицу со свидетелями. Заявители и их защитник могли слышать допрос, который вел следователь, и задавать свои собственные вопросы. В этом аспекте, как было отмечено и Комиссией, настоящий случай отличается от случаев *Костовски* (см. решение по делу *Костовски против Нидерландов* от 20 ноября 1989 г. Серия А, т. 166, с. 20, п. 42), *Виндиша* (см. решение по делу *Виндиш против Австрии* от 27 сентября 1990 г. Серия А, т. 186, с. 10, п. 27), *Саиди* (см. решение по делу *Саиди против Франции* от 20 сентября 1993 г. Серия А, т. 261-С, с. 56—57, п. 44). В делах, подобных настоящему, практика заслушивания свидетелей следователем, а не в самом судебном заседании, была принята Судом как соответствующая Конвенции.

(b) Апелляционный суд привел причины, по которым следователю были делегированы полномочия по заслушиванию свидетелей. Значение, которое меньшинство членов Комиссии придает тому, что Апелляционный суд не воспользовался возможностью самому оценить надежность свидетелей, не является, по моему мнению, решающим; нет причин, по которым суд не мог бы полагаться на оценку в равной мере независимого и беспристрастного следователя. В этом отношении уместно напомнить, что допросы у следователя проводились не на досудебной стадии, а во время приостановления рассмотрения дела в Апелляционном суде и в соответствии с решением Апелляционного суда; они являлись составной частью судебного разбирательства. По делу *Костовски*, где Суд подчеркнул важность для слушающего дело судьи следить за поведением свидетеля, судьей был заслушан только один из свидетелей, однако личность этого лица осталась ему неизвестной.

(с) Показания в присутствии следователя были даны приведенными к присяге офицерами полиции, которым было поручено осуществлять дознание и расследование и которые отвечали за любое заявление, сделанное ими в этой связи (см. судебное решение по делу Люди, с. 21, п. 49).

(d) Следователь, который наблюдал за поведением свидетелей во время допроса, высказал мотивированное мнение об их надежности, что должно было компенсировать защите лишение визуальной информации, которая позволяла бы ей проверить надежность свидетелей (см. решение по делу Виндиша, с. 10—11, п. 28—29).

(е) Следователь высказал мотивированное мнение по поводу желания офицеров полиции сохранить анонимность, и вслед за ним эти причины счел оправданными и Апелляционный суд. По их общему мнению, характер обвинений и событий был таков, что страх последствий, сопряженных с насилием, нельзя было считать необоснованным. Статья 6 неограниченного права допроса свидетелей не гарантирует. Необходимо не только признать дискреционное усмотрение компетентных внутренних судов по принятию мер в соответствии с потребностями надлежащего отправления правосудия, но и уравновесить интересы защиты по статье 6 интересами свидетелей, которые охраняются другими материальными статьями Конвенции (см. решение по делу Доорсона, с. 470, п. 70). А в решении по делу Люди Суд счел интерес полицейских властей в сохранении анонимности их агентов “легитимным”, еще больший вес должен быть придан в этом случае, как это было сделано Апелляционным судом, интересу агентов защитить жизнь и безопасность свою и своих семей (статьи 2, 3, 5 и 8 Конвенции).

(f) Защита получила полную возможность слушать и задавать вопросы свидетелям, а также комментировать запись их ответов и действительно широко пользовалась этой возможностью; технические дефекты, на которые она жаловалась, причиняли неудобства, и, наверное, их можно было бы избежать, но, особенно учитывая продолжительность времени слушаний и тщательность записи показаний, эти дефекты не были настолько серьезны, чтобы помешать защите.

(g) Апелляционный суд не исключал заранее возможность постановки перед свидетелями во время суда дополнительных вопросов, но полагал, что защита не обосновала это в достаточной степени. В то же время защите была предоставлена возможность оспорить сделанные заявления и их использование в качестве доказательств в открытом судебном разбирательстве в Апелляционном суде.

(h) Обвинение не строилось исключительно на показаниях анонимных свидетелей. Хотя эти показания, несомненно, были основой доказательств, были показания и других свидетелей, некоторые доказательства технического характера, а также запись телефонного разговора. В этом отношении Суду следует признать, что “по общему правилу именно национальные суды призваны давать оценку представленным им доказательствам”.

В решении по делу Доорсона, где критерий “решающей степени” получил обоснование и применение (с. 472, п. 76), Суд посчитал, что этот критерий был удовлетворен в ситуации, когда в дополнение к показаниям анонимных свидетелей обвинение основывалось и на заявлении, которое было сделано в полиции свидетелем, чья личность была установлена, но отозвано в процессе судебного разбирательства, и на заявлении другого идентифицированного свидетеля, который исчез до того, как защита получила возможность допросить его (там же, с. 472, п. 76 и с. 458—459, п. 34).

Принимая во внимание все эти обстоятельства дела, я прихожу к выводу, что суд, осудивший заявителей, был “справедливым” в смысле статьи 6 Конвенции в том виде, как она толкуется предшествующей судебной практикой.

Изложив свой вывод, я хочу со всем подобающим уважением сделать следующие замечания по поводу рассуждений, на которых основывается вывод большинства.

5. Как и большинство, в соответствии со сложившейся практикой Суда я исхожу из того, что в обычных условиях доказательства должны быть представлены при публичном слушании дела. Вот почему, рассуждая теоретически, я нахожу, что предпочтительнее было бы провести допрос офицеров полиции на заседании Апелляционного суда, а они, если это необходимо для их анонимности, могли бы надеть маски. Однако я хочу также привлечь внимание к мнению Апелляционного суда о том, что это было слишком рискованно, т. к. возможность раскрытия личности свидетелей нельзя было бы исключить. Я предпочел бы, чтобы Апелляционный суд привел конкретные аргументы в поддержку такого мнения. С другой стороны, у меня и, как я полагаю, у моих коллег по Суду не хватает специальных знаний, чтобы судить, были ли эти опасения оправданны. И снова можно задаться вопросом: стало бы положение защиты лучше в плане наблюдения за поведением свидетелей и проверки их надежности, если бы свидетели предстали в масках; эффективная маскировка может существенно изменить звук и интонацию голоса, а также манеру держаться заинтересованного лица. В общем можно считать, что национальный суд находится в более выгодном положении, чтобы судить о таком сложном вопросе фактического характера, чем наш Суд, который должен подменять суждения национального суда своими только тогда, когда последние явно неразумны. Из формулировки решения по делу Доорсона ясно видно, что в подобных ситуациях Суд признает приоритет национального суда.

6. Тот факт, что в участвовавших в преследовании офицеров полиции стреляли, не обязательно означает, что на более поздней стадии, во время или после суда, их жизнь и/или их семей будет в опасности. Однако по обоим этим вопросам национальным властям (по данному делу — национальным судам) следует оставить поле для маневра, чтобы они могли найти баланс между интересами защиты, с одной стороны, и свидетелей — с другой (см. решение по делу Доорсона, с. 470, п. 70). По моему мнению, Апелляционный суд не переступил через черту, установив, что риск раскрытия личности свидетелей присутствовал и что их страх за жизнь и безопасность свою и своих близких был оправдан в свете серьезности совершенных преступлений и примененного насилия.

Я не согласен с большинством, что Апелляционный суд не предпринял никаких конкретных усилий, чтобы оценить реальность угрозы репрессалий. В распоряжении Апелляционного суда находился доклад следователя с установленными им обстоятельствами по делу, где он ссылался по этому вопросу не только на показания заинтересованных офицеров полиции, но и дал свою собственную оценку в свете опасности преступлений и насилия, примененных преступниками. Решение Апелляционного суда, подтвердившего мнение следователя, рассматривалось в порядке надзора Верховным Судом.

В решении по делу Доорсона Суд установил, что не требуется фактической угрозы, направленной против свидетелей, для признания решения о сохранении их анонимности разумным, достаточно, чтобы имелся соответ-

ствующий предыдущий опыт. По настоящему делу следует также принять во внимание, что некоторые свидетели, преследуя грабителей, получили ранение. Если даже занять позицию, что профессия офицера полиции подразумевает некоторый риск, это тем более не должно означать, что надо рисковать без необходимости, и это не должно означать, что жизнь и безопасность их семей заслуживают меньшей защиты, чем жизнь и безопасность других людей. “Долг повиновения органам исполнительной власти государства” (см. п. 56 настоящего решения) не может подразумевать, что жизнь и безопасность полицейских, а равно их семей не заслуживают защиты. Вот почему я не могу согласиться с большинством, что единственно из-за того, что в настоящее дело вовлечены служащие полиции, это дело следует отличать от дела Доорсона в том, что касается поиска баланса между интересами защиты и свидетелей.

То обстоятельство, что г-ну Энгелену, открыто давшему избобличающие показания, не был причинен никакой вред, в данном контексте нельзя признать решающим. В его случае полиция, вероятно, совершила ошибку, раскрыв его личность, но в любом случае последующие события автоматически и ретроспективно не отменяют разумную оценку риска. Трудно винить свидетеля, который не хочет ждать, пока что-нибудь плохое случится с ним или с другим свидетелем; единственный критерий, из которого должны исходить национальные суды, — это обоснованность опасений.

7. Я не вижу, почему на полицейских лежит специальный долг давать показания в открытом суде (см. п. 56 решения), тогда как это предписываемый правом общегражданский долг. И даже если согласиться с тем, что к использованию полицейских в качестве анонимных свидетелей “следует прибегать только в исключительных обстоятельствах” (там же), то, с другой стороны, можно спорить по поводу того, что их анонимность должна встречать меньше возражений с позиции защиты, т. к. их показания даются под присягой и личность и компетенция этих профессионалов легко могут быть проверены следователем.

8. Большинство также рассматривало вопрос, являются ли “оперативные потребности” достаточным оправданием для сохранения анонимности офицеров полиции. В этом контексте делалась ссылка на Пояснительную записку к Закону от 11 ноября 1993 г., в которой Правительство Нидерландов указывало, что, по его мнению, этот интерес может быть в достаточной мере защищен не столь далеко идущими ограничениями прав защиты. Однако, по моему мнению, эта проблема для настоящего дела не является столь важной, т. к. Апелляционный суд в своем решении постановил, что из выдвинутых свидетелями аргументов в поддержку требования об анонимности он считает “решающим” аргумент, касающийся личной безопасности свидетелей и их семей (см. п. 26 решения).

9. Нельзя отрицать — и в самом деле никто не отрицал, — что возможность защиты допрашивать свидетелей подверглась ограничениям. Но такие существуют и в обычной ситуации, когда личность свидетелей защите известна. То обстоятельство, что на некоторые вопросы свидетели не ответили, а следователь счел это приемлемым, может быть подвергнуто критике, но это с большой долей вероятности могло бы случиться, если бы замаскированных тем или иным способом свидетелей допрашивали в открытом суде. Поэтому можно спорить по поводу того, было ли необходимо и соразмерно отказываться отвечать на некоторые заданные защитой вопросы с целью сохранить анонимность свидетелей и секретность тактики, применяе-

мой полицией. Однако прежде всего на этот вопрос должен дать ответ компетентный национальный суд, что он и сделал, согласившись с позицией следователя, а когда защита оспорила это решение в Апелляционном суде, последний подтвердил его. В целом, по моему мнению, ни ограничения, вызванные ситуацией, ни те, что были приняты следователем, не оправдывают вывода о том, что отсутствовала “надлежащая и адекватная возможность задавать вопросы свидетелям”, как того требует Суд в своем решении, вынесенном по делу Костовски. Препятствия действиям защиты были достаточно сбалансированы установленной судебными властями процедурой (см. решение по делу Костовски, с. 21, п. 43, и решение по делу Доорсона, с. 472, п. 76).

10. Наконец, хотя показания анонимных свидетелей явились существенной частью доказательств, нельзя сказать, что обвинительные приговоры строились исключительно на этих показаниях. Были ли они основаны на этих показаниях в “решающей степени”, как утверждает большинство (п. 63 решения), трудно сказать. Я разделяю мнение, высказанное делегатом Комиссии на слушаниях в Суде, что этот критерий, изложенный в решении по делу Доорсона (с. 472, п. 76), трудно применить, так как если показания анонимных свидетелей используются судом как часть доказательств, это происходит потому, что суд считает их очень важной частью доказательств, благодаря которым они становятся полными или по крайней мере достаточными. Здесь вновь должно преобладать заключение Суда, что “по общему правилу именно национальные суды призваны оценивать предъявленные им доказательства” (п. 50 настоящего решения). Более того, как уже упоминалось (см. п. 3 (h) выше), обстоятельства данного дела в этом отношении, по-видимому, не отличаются существенно от обстоятельств дела Доорсона.